

Василий Быков

Альпийская баллада (фрагмент)

Глава первая

Он споткнулся, упал, но тут же вскочил, поняв, что, пока вокруг замешательство, надо куда-то убежать, скрыться, а может, и прорваться с завода. Но в вихревых потоках пыли, поглотившей цех, почти ничего не было видно, он чуть не угодил в черную пропасть воронки, где взорвалась бомба, по краю обежал яму. Чтобы не наткнуться на что-нибудь в пыли, выбросил вперед руку, а другой сжал пистолет; опять споткнувшись, перекатился через вывороченную взрывом бетонную глыбу, больно ударившись коленом. Вскочил уже босой, растеряв колодки, и ногам стало нестерпимо больно на беспорядочно заваливших цех бетонных обломках.

Сзади слышались крики, в другом конце помещения гулко протрещала автоматная очередь. «Черта с два!» – сказал себе Иван, вскочил на сброшенную с перекрытий железную ферму, оттуда перемахнул на косо рухнувший столб простенка. По простенку взбежал выше. Потянуло ветром, пыль постепенно рассеивалась, можно было оглядеться. Балансируя руками, он пробежал по какой-то бетонной балке и очутился на краю громоздких развалин цеха. Впереди в трех шагах и ниже было последнее его препятствие – полуразрушенная стена внешней ограды, а дальше, будто ничего в целом мире не произошло, безмятежно утопали в зелени улицы, пламенели под солнцем черепичные крыши домов и совсем близко на склоне призывно темнела хвойная чаща леса.

В одно мгновение охватив все это взглядом, он сунул в зубы пластмассовую рукоять пистолета и прыгнул. Острые железные шипы в гребне ограды требовали точного расчета, но ему удалось ухватиться за них руками и быстро перемахнуть на ту сторону. Падать, однако, помедлил, на вытянутых руках опустился пониже и потом оторвался. Упал в жесткие колючки бурьяна, вскочил, перехватил пистолет и изо всех сил помчался по картофельному участку вдоль проволочной сетки.

Сзади неслись крики и захлебистый лай собак, в нескольких местах протрещали очереди, поодаль взвизгнули пули. Кажется, начиналась погоня, его шансы убывали, но он уже не мог отказаться от ставшего большим, чем жизнь, намерения уйти, перемахнул через сетку ограды и по колючей шлаковой дорожке еще быстрее устремился вверх, к недалекой уже окраине.

Взрыв в цехе, наверно, всполошил население. По дорожке от белого дома во всю прыть мчались к заводу двое мальчишек, передний был с игрушечным ружьем в руках, но за кустарником они не заметили его. Иван выскочил из-за кустов акаций и едва не столкнулся с девушкой, несшей полную лейку. Та испуганно вскрикнула и выронила ее. Он молча пробежал мимо, из коротенького проулка выскочил на немощеную окраинную улицу, оглянулся по сторонам – улица была пуста. Иван перебежал ее, продрался сквозь пыльные заросли насаждений и упал. Впереди домов уже не было, на огромном крутом косогоре раскинулся некошенный, густо усеянный ромашками луг, у дороги дремотно качались метелки какой-то неведомой ему травы. Дальше и выше в распадках начинался лес, а над ним в знойном июльском небе теснились сизые громады Альп.

Сдерживая дыхание, Иван прислушался: сзади доносились крики и выстрелы, заливались овчарки, но это там, на заводе, за ним же, кажется, еще не гнались. Рукавом полосатой куртки он смахнул с лица пот, заливавший глаза, и приподнялся, определяя кратчайший путь вверх. Невдалеке был распадок, ближе других подступавший к городу, туда по крутому склону сбегали сверху редкие елочки. Иван снова вскочил на ноги.

Это оказалось чертовски трудным – все время бежать в гору: тело становилось чрезмерно грузным, от слабости подкашивались ноги. На середине косогора он снова оглянулся – собачий лай, кажется, уже доносился с окраины. Полоснула близкая очередь, но пуль он не услышал – значит, еще не по нему. По другим! Видно, там разбегались. Это облегчало его положение, надо было торопиться.

Но он выбивался из сил и с трудом одолевал пригорок. Сзади как на ладони был виден весь городок, переднюю часть которого занимали длинные, похожие на ангары корпуса завода, там и сям чернели развалины – свежие следы бомбежки; длинная ограда в одном месте рухнула, за проломом дыбились искореженные фермы

перекрытий – это от их бомбы. Там бегали, суетились люди. Иван пригнулся (его уже начал скрывать пригорок) и вяло побежал к ручью, возле которого наконец с облегчением распрямился. Лес был рядом, на склоне.

Иван замедлил бег, вытер рукавом лицо. Дальше путь пролегал по дну широкого травянистого распадка. Подъем становился круче, меж черных скользких камней шумно бурлил ручей. Вконец изморенный, Иван уже достиг первых разбросанных по склону елочек, когда снова услышал лай собак. Показалось, что они за пригорком, рядом, и он, опять выбиваясь из сил, побежал в гору. Хоть бы успеть добраться до хвойной чащи, там легче укрыться, как-нибудь обмануть преследователей или, если уж не суждено вырваться, погибнуть не зря.

Но добежать до леса Иван не успел.

Он взбирался по траве вверх, минуя большие и малые обломки скал с рассыпанной повсюду дресвой, и почти уже достиг еловой опушки, как сзади, будто вынырнув из-за пригорка, совсем близко залилась лаем собака. Иван кинулся к молодой елочке, затаившись, выглянул сквозь ветви – через бугор, мелькая в траве бурой спиной, по его следам мчалась овчарка.

Он понял, что до чащи ему не успеть. Шире расставив ноги, крепче сжал в руке пистолет. Он не знал, сколько в магазине патронов, интересоваться этим было поздно, хотя и понимал, что в патронах – его спасение. На минуту расслабил мускулы, стараясь дышать ровнее. Надо было успокоиться, собраться с силами, унять в груди сердце, чтоб ударить без промаха.

Собака увидела его, залилась громче, злее и, попарно выбрасывая сложенные лапы, устремилась вверх. Стоя за елью, Иван пригнулся, взглядом отмерил рубеж в какой-нибудь полусотне шагов возле каменного выступа в траве и направил туда пистолет. Овчарка стремительно приближалась, прижав к голове уши, вытянув хвост; уже стала видна ее раскрытая пасть с высунутым языком и хищным оскалом клыков. Иван затаил дыхание, напрягся, стараясь как можно лучше прицелиться, подпустил ее шагов на пятьдесят, выстрелил. И сразу же понял, что промазал. Пистолет дернулся в руке стволом вверх, в нос ударило пороховым смрадом, овчарка залаяла сильнее, и он, не целясь, наугад, поспешно выстрелил еще. Тотчас короткая радость блеснула в душе – собака отчаянно взвизгнула, взвилась, со всего

маху ударилась о землю и в каких-нибудь двадцати шагах от него задергалась, забилась в траве. Он уже готов был кинуться в лес, но тут увидел: огромный, с рыжими подпалинами на боках волкодав, задыхаясь, выскочил из-за камней. За ним, петляя в траве, тянулся длинный ременный повод.

Иван, не целясь, торопливо вскинул навстречу пистолет, но выстрела не последовало, очевидно, что-то заело. Перезарядить он не успел, лишь ударил по затворной планке ладонью, однако волкодав был уже рядом и прыгнул. Иван как-то увернулся за ель, собака, задев ветки, пронеслась мимо, но, казалось, еще не долетев до земли, перевернулась в воздухе и тут же с раскрытой пастью кинулась снова. Не зная, как защититься, Иван вскинул навстречу руки.

Это был точный и сильный прыжок. Пистолет выпал из рук Ивана, сам он не устоял на ногах и вместе с собакой покатился по склону. Казалось, все скоро кончится, но Иван, падая, успел схватить волкодава за ошейник и железным напряжением рук оттянул его от себя. Собака сильно царапнула когтями, где-то с треском разорвалась одежда. Одной рукой сжимая ошейник, другой Иван поймал переднюю собачью лапу и сильно выкрутил ее в сторону. Задыхаясь в борьбе, они еще раз перекатились друг через друга, потом, чтобы как-то удержаться сверху, Иван выбросил в сторону ноги, изо всех сил стараясь подмять под себя собаку. Наконец это ему удалось, и он, навалившись на пса всем телом, начал его душить. Но волкодав был чертовски силен, и Иван вдруг понял, что долго так не выдержит. Тогда, изловчившись, он последним усилием двинул его коленом. Волкодав взвизгнул и резко дернулся, едва не вырвав из руки ошейник. Иван почувствовал, как под коленом будто хрястнуло что-то, и, выламывая пальцы, еще туже затянул ошейник. Но задушить пса у него не хватило силы, волкодав отчаянно рванулся и выскользнул из рук.

Иван сжался в ожидании нового прыжка, но собака не прыгнула – распластавшись рядом и вытянув толстую морду с выброшенным набок языком, она часто и сипло дышала, злобно глядя на человека. Натертые ошейником, у Ивана жгуче горели ладони, от перенапряжения нервно трепетала мышца в предплечье, чуть не выскакивало сердце из груди. Опустив на траву дрожащие

руки, он стоял на коленях и почти дикими глазами глядел на собаку.

Они следили один за другим, боясь упустить первую попытку к прыжку, и в то же время Иван опасался, как бы не появились немцы. Через минуту он понял, что волкодав вряд ли бросится первым. Тогда он поднялся на ноги и, отступив в сторону, схватил в траве камень. Хотел им ударить собаку, но тут же раздумал. Волкодав судорожно выгнул хребет, видно, ему досталось не меньше, чем человеку, и он беспомощно, тихо скулил. Иван сделал несколько осторожных шагов-назад. Волкодав приподнялся, тоже немного подвинулся, поводок его скользнул по траве. Но он не вскакивал. Иван, еще больше осмелев, устало побежал вверх, к ели, где уронил пистолет.

Собака завизжала от бессильной ярости, немного проползла по траве и остановилась. А человек поднял с травы браунинг и медленно, задыхаясь, насколько позволял остаток сил, побежал по распадку вверх, в еловую чащу.

Глава вторая

Минут через пять он уже был в лесу и бежал вдоль стремительного, с необыкновенно прозрачной водой ручья. На склоне стоял чистый, не захламленный валежником лес. Бежать, однако, мешали камни. Подъем становился все круче. Опасаясь новой погони, Иван сунулся было в ручей, чтоб скрыть от овчарок след, но вода ледяным холодом обожгла ноги, и он, пробежав шагов десять, выскочил на берег. Вскарabкался на скалистую кручу, на секунду остановился, чтобы перезарядить пистолет. Затвор выбросил на камни перекошенный патрон. Иван нагнулся за ним и вдруг замер – сквозь говорливое журчание ручья сзади донеслись голоса. Оставив патрон, он торопливо подался вверх, чуть в сторону от ручья, пролез сквозь чащу елового молодняка и, еле справляясь с дыханием, опустился на четвереньки.

Подул ветер, и в небо из-за гор выплыл косматый край тучи. Видимо, надвигался дождь. Иван осмотрелся, окинув взглядом камни под елями. Внизу как будто никого не было. Он уже хотел вскочить на ноги и побежать, как вдруг до его слуха донесся слегка приглушенный, настойчивый оклик:

– Руссо!

Он пригнулся ниже, вобрал в плечи голову – нет, то был не немец, скорее какой-нибудь гефтлинг. Но тут хоть бы выбраться самому. Он знал по собственному опыту, как это трудно, где уж там вести с собой какого-то доходягу. Немцы наверняка уже подняли тревогу. Не так это просто – удрать.

И он изо всех сил побежал дальше, карабкаясь меж камней и елей вверх, наискось по горному лесистому склону, так как лезть прямо уже не хватало сил. Ручей остался где-то в стороне, говор его притих; сильнее и отчетливее стали шуметь ели – свежий ветер настойчиво раскачивал вершины; солнце скрылось, помрачневшее небо все шире заволакивала темная туча. Было душно, куртка на спине промокла от пота. Полосатый берет Иван потерял еще при взрыве и теперь вытирал лицо рукавами, все время озираясь по сторонам и чутко вслушиваясь. Один раз он услышал далекий еще, но стремительно нараставший рев мотоциклов. Тут где-то проходила дорога, и немцы, по-видимому, послали погоню. Охваченный мрачным предчувствием, Иван напряженно обдумывал, как быть дальше, и в то же время по какому-то неясному звуку догадался, что сзади кто-то бежит. Отскочив за мшистый комель ели, он щелкнул предохранителем браунинга. Треск мотоциклов приблизился: «Обкладывают, сволочи!» Иван оглянулся, опустился за елью на одно колено и приподнял сжатый в руке пистолет. Внизу снова раздался приглушенный стук по камням. Иван всмотрелся и уже отчетливо определил в зарослях место, где был человек. Вначале оттуда никто не показывался. Потом ветки закачались, и на прогалину из ельника выскочила легкая полосатая фигурка, метнула взглядом по склону.

– Руссо!

Женщина?! Этого еще не хватало! Он чуть не выругался с досады, но приближающийся рев мотоциклов переключил его внимание. Иван крутнулся на земле, не зная, куда податься: меж редких стволов его легко могли увидеть сверху. И он прыгнул в неглубокую выемку-нишу под крутоверхой скалой, весь сжался, готовясь к отпору. Полосатая фигурка внизу на минуту исчезла за краем обрыва. Он теперь не смотрел туда, а напряженно слушал, больше всего остерегаясь мотоциклов. Но вот внизу, в двадцати шагах, из-за камня снова показалась женская фигура в длинной, не по росту, куртке с закатанными рукавами и красным треугольником на груди. Это была девушка. Она быстро огляделась по сторонам, и

он заметил, как под черной шапкой волос с нескрываемой радостью блеснули такие же черные, словно две маслины, глаза.

– Чао!

Он слышал уже это слово – так всегда здоровались гефтлингитальянцы. Однако теперь, вслушиваясь в треск над головой, он сжался и молчал, ожидая, что она вот-вот юркнет в какое-нибудь укрытие. Но она, кажется вовсе равнодушная к опасности, снова оглянулась и торопливо заговорила по-немецки, как ему показалось, кого-то прогоняя от себя. Взглянув в подлесок, Иван увидел за камнями еще одного в полосатом, который после окрика девушки сразу же шмыгнул в заросли. Иван хотел было кинуться прочь от этих непрошенных спутников, но девушка легко выскочила из-за обрыва, нагнулась, сунула ноги в колодки, которые до сих пор держала в руках, и, застучав ими, торопливо побежала к нему.

Мотоциклы ревели чуть ли не над их головами, и эта ее нелепая дерзость вызвала у Ивана гнев – их ведь легко могли тут заметить. Пригнувшись, Иван шагнул к девушке и за руку рванул ее под скалу. При этом он тихо, но с неудержимой яростью выругался. Она легко метнулась за ним, как вдруг одна ее колодка сорвалась с ноги и, застучав по камням, отлетела далеко в сторону.

– Ой, клумпес! – приглушенно вскрикнула девушка.

Мотоциклы один за другим, обдавая их грохотом, проносились совсем близко, но она, казалось не обращая на них внимания, вырвала у него руку и бросилась за своей колодкой. Иван не успел удержать ее, только в гневе стукнул кулаком по камню и скрипнул зубами. Девушка между тем подхватила колодку и кинулась назад. И тогда Иван, встретившись с азартно блеснувшим взглядом девушки, зло ударил ее по лицу.

Удар обжег ей щеку. Она коротко вскрикнула, но не отшатнулась, не побежала, а упала под скалу рядом и из-под локтя кинула на него взгляд, полный не гнева, а скорее озорного удивления.

Гул мотоциклов удалялся, и Иван пожалел, что не сдержал себя. Девушка на минуту сосредоточилась, округлила глаза, прислушалась, казалось, только теперь осознав, что им угрожало, и, приподняв ногу в полосатой запачканной штанине, надела на ступню колодку. Потом еще раз взглянула на него и, по-детски неумело выговаривая слова, будто картавя, повторила его ругательство.

Это было так же неожиданно, как и его пощечина, и так необычно, что в нем будто что-то сдвинулось, сместилось – человеческое на минуту хлынуло в его заскорузлую душу, и он впервые за сегодняшний день удивленно и широко раскрыл глаза:

– Ого!

– Ого! – повторила, как бы передразнивая, она, обнаружив тем свою нарочитую обиду, и впервые с заметным любопытством оглядела его. Полные губы ее были капризно поджаты, но в глазах уже появились готовые вот-вот запрыгать озорные смешливые чертики. Казалось, он где-то уже видел их, эти непонятные глаза на смуглом, сильно исхудавшем лице, и, почувствовав что-то новое в себе, нахмурился. Обжигающая красота девушки, ее необыкновенное бесстрашие в этом их более чем сложном положении вовсе сбили его с толку.

– Ты куда бежишь? – строго спросил он, глядя на ее поджатые, в колодках ноги.

– Вас?

– Вас! Вас! Куда бежишь?

– Руссо бежишь – ихь бежишь.

Не удержавшись, он исподлобья смерил ее злым взглядом – все ее подвижное, с тонкими чертами лицо выражало желание понять его. Густые черные брови, сросшиеся над переносьем, были высоко вскинуты.

– Ты знаешь, куда я бегу? Русланд бегу. Поймают, мне будет пуф, пуф. А тебе это. – Он чиркнул себя пальцем по шее и показал вверх – красноречивый интернациональный жест лагерников.

Она поняла, коротко улыбнулась, даже, показалось ему, фыркнула: мол, что мне виселица! И это ее безрассудное легкомыслие опять разозлило его:

– Расхрабилась! Ну беги! Только без дураков. Я тебе не помощник.

– Конечно! – дружелюбно улыбнулась девушка, и Иван подумал, что она не поняла его.

Он попытался было возразить, но в это время в стороне города опять послышались выстрелы, крики и лай собак. «Черт с ней, с этой девкой», – подумал Иван. Надо было пробираться дальше, и он быстро полез по склону.

Глава третья

Небо затянула сизая туча. Тревожно качались вершины елей. Лес беспокойно гудел, и первые капли дождя косыми трассами прочертили воздух между деревьями.

Иван, не сбавляя темпа, проворно лез меж стволов и камней, поблескивая голым коленом. Он только теперь заметил порванную собакой штанину и кровь на ноге. Пока стоял под скалой, рана, видимо, немного подсохла, а на ходу открылась и теперь кровоточила. Сбитые о камни, кровоточили на ногах пальцы. О какую-то колючку он больно уколол пятку и стал заметно прихрамывать.

Сзади все умолкло, погони не было слышно, по она должна была появиться, Иван знал, что немцы не оставят беглецов в покое. По-видимому, там уже подняли на ноги охрану, полицию. Это было очень трудно – удрать. Разве что поможет дождь, укроет, приглушит шаги, смоем следы. Острым беспокойным взглядом Иван ощупывал вокруг себя кусты, боясь наскочить на засаду. Временами он слышал за спиной торопливые шаги своей спутницы – она не отставала. Только иногда, уронив с ноги клумпес, девушка на минуту задерживалась, но потом бегом догоняла его и шла рядом. В такие моменты он слышал ее близкое частое дыхание.

Иван старался быть безразличным к ней; если бы девушка отстала совсем, он, возможно, даже вздохнул бы с облегчением, но все же, пока она была рядом, не мог прогнать ее, чтобы уйти одному. Он только думал: и откуда ее, на беду, прибило к нему, поди ж ты, вырвалась с завода, догнала. Уж на что он быстро бежал в гору, а вот не отстала. Правда, он немало времени потратил на борьбу с собаками – хорошо еще, что задержались, не набежали в ту минуту немцы...

Дождь между тем усилился. Плотнее окутал лесистые склоны теплый туман. Это радовало беглецов, так как в ненастную погоду было легче укрыться в лесу и подальше отойти от города.

Только идти под дождем было не очень удобно. Промокшая до нитки куртка неприятно прилипала к телу, штанины также намокли снизу, и Иван подвернул их, как, бывало, на сенокосе, до самых колен. Он с удовлетворением заметил, что под дождем потемнела полосатая, заметная издали его одежда. Только вот проклятые круги-мишени, выведенные масляной краской, по-

прежнему топорщились на груди. Они не намокали и стали еще заметнее на потемневшей куртке.

Так прошел час, а может, и больше. Продираясь сквозь мокрый молодой кустарник с натянутой между ветвями паутиной, в которой дрожали мельчайшие капли воды, Иван вдруг увидел дорогу. Гладкая, блестящая от непогоды бетонная полоса ее плавно изгибалась на повороте и исчезала вверху. Он остановился, прислушался – кажется, дорога была пуста. Тогда он оглянулся: девушка, нетерпеливо отстраняя от лица мокрые ветви, пробиралась к нему. Видимо, надо было подождать ее и дорогу перейти вместе, иначе она могла сделать что-то не так и выдать обоих.

Девушка подошла, устало остановилась рядом и, увидев дорогу, уже с большей осмотрительностью, чем недавно, отнеслась к опасности. Иван коротко скользнул взглядом по ее мокрой куртке, которая плотно облегалась гибкую и тонкую фигурку, и снова с досадой поморщился – так все это не шло к обстановке, в которой они оказались. Она же, видно, рада была минутной задержке: немного отдышавшись, взялась одной рукой за ствол сосенки, другой вылила из колодок воду и устало вздохнула.

Иван подождал немного, пока она отдышится, потом направился к дороге. Девушка осторожно пошла сзади.

Возле дороги он снова огляделся, подбежал к забетонированному кювету, остановился, шепнул ей: «Иди сюда!» – и подал руку. Она без слов ухватила за его пальцы, глухо стукнув о бетон деревяшками, прыгнула через кювет. Иван коротко бросил: «Снимай!» – девушка послушно скинула клумпесы и подхватила их свободной рукой. Взявшись за руки, они выбежали на мокрые бетонные плиты дороги. Дождик сыпал уже часто и тотчас смывал их следы. Беглецы благополучно перебрались на другую сторону. Он выпустил ее руку. За кюветом она наколола ногу о щебенку, тихонько ойкнула, потом сунула ступни в колодки и быстро полезла за ним вверх по склону.

Склон тут был крутой, со стремнинами обрывов, поросший чахлыми кривыми деревцами, сквозь вершины которых виднелась внизу блестящая дуга дороги. Иван теперь уж не очень старался выдерживать темп: устал сам, да и девушка

– он это чувствовал – уже на пределе своих, по-видимому, не слишком больших сил. На крутом подъеме, который он,

превозмогая усталость, одолел первым, Иван остановился, наблюдая из-под развесистой суковатой сосны за тем, как карабкается вверх его спутница. Одна колодка у нее свалилась с ноги и по камням быстро покатила вниз. Она растерянно вскрикнула: «Санта мадонна!» – оглянулась и устало села, по всей вероятности не решаясь спускаться за ней. Но вскоре все же полезла вниз, прихрамывая на одну ногу, подобрала колодку и снизу взглянула на Ивана. В ее взгляде теплилась молчаливая благодарность за то, что он не ушел без нее. Он спокойно опустил на сухую колючую землю между извилистыми корнями, поджидая, пока девушка вылезет из-под кручи. Добравшись до него, она в изнеможении упала рядом.

– Брось ты их к черту! – сказал он, имея в виду колодки.

Она подняла на него черные широкие глаза. Он показал на ее клумпесы и махнул рукой – брось, мол. Она, очевидно, поняла и отрицательно покачала головой, пошевелив при этом своей маленькой мокрой и, как показалось ему, слишком нежной стопой. Он сразу понял нелепость своего совета, так же как и то, что немало еще хлопот причинят ей эти непомерно большие деревяшки.

Его ноги, исколотые на камнях и валежнике, тоже горели и саднили. Особенно донимала при ходьбе левая пятка. Теперь, невольно затягивая минуту передышки, он решил посмотреть, что там, и, поджав руками ногу, взглянул на влажную стопу.

– Руссо очень, очень фуръезо¹. Как это дойч?.. Бёзе²! – вдруг сказала она.

Иван за год пребывания в плену немного научился по-немецки и понял, что сказала она, но ответил не сразу. В пятке была заноза, которую он попробовал вытащить, по, как ни старался, не мог ухватить пальцами ее крохотный кончик.

– Бёзе! Доведут, так будешь и бёзе! – сердито проворчал он и добавил уже добрее: – А вообще я гут.

– Гут?

Она усмехнулась, обеими руками пригладила мокрые, блестящие волосы и, вытерев о штаны ладони, придвинулась к нему:

– О, дай!

¹ Сердитый, злой (итал.)

² Сердитый, злой (нем.)

Он никак не мог взяться за конец занозы, а она легонько и удивительно просто холодными тонкими пальцами обхватила его большую ступню, поковыряла там и, нагнув голову, зубами больно ущипнула подошву. Он нерешительно дернул ногу, но она удержала, нащупала кончик, и, когда выпрямилась, в ровных ее зубах торчала маленькая ворсинка занозы.

Иван не удивился и не поблагодарил, а, подтянув ногу, взглянул на пятку, потер, попробовал наступить – стало, кажется, легче. Тогда он уже с большей приязнью, чем до сих пор, посмотрел на девушку, на ее мокрое, смуглое, похорошевшее лицо. Она не отвела улыбчивого взгляда, пальцами взяла из зубов занозу и кинула ее на ветер.

– Ловкая, да, – сдержанно, будто неохотно признавая ее достоинства, сказал он.

– Леф-ка-я, – повторила она и спросила: – Что ест леф-ка-я?

Должно быть, впервые за этот день он слегка улыбнулся и потерял пяткой стриженный мокрый затылок:

– Как тебе сказать? Ну, в общем, гут.

– Гут?

– Я. Гут.

– Ду гут³, ихь гут, – радостно сообщила она и засмеялась. А он, будто что-то припоминая или оценивая, дольше, чем прежде, посмотрел на нее. Она сразу спохватилась, зябко повела плечами, и тогда он подумал: надо идти. Ему не хотелось вылезать из-под этой сухой развесистой сосны, и все же он вынужден был встать. Дождь не переставал. С унылым однообразием шумел лес – видно, непогода сорвала облаву. Неизвестно, сколько узников прорвалось в горы, но, может, хоть кому-нибудь посчастливится уйти. Иван вспомнил третьего гефтлинга, который бежал за ними, и, прежде чем выйти из-под сосны, повернулся к девушке, вытряхивавшей сор из своих колодок.

– Это кто еще бежал за тобой?

– Бежал, да? Тама? Гефтлинг. Тэдэско гефтлинг⁴.

– Что, знакомый? Товарищ?

– Нон товарищ. Кранк гефтлинг. Болной, – тоненьким пальчиком она прикоснулась к своему виску.

– А, сумасшедший?

³ Ты хороший, я хорошая (нем.)

⁴ Немец-узник (итало-нем.)

– Я, я.

«Гляди ты, а с ней можно разговаривать!» – с удовлетворением подумал Иван и отвел в сторону взгляд. Почему-то по-прежнему неловко было смотреть в ее черные, глубокие, широко раскрытые глаза, в которых так изменчиво отражались разнообразные чувства.

– Ладно. Черт с ним. Пошли.

Кажется, они порядком уже отошли от лагеря. Немцы, видно, упустили их. Душевное напряжение спало, и Иван, будто издалека, впервые мысленно оглянулся на то, что произошло в этот адски мучительный день.

Глава четвертая

С утра они, пятеро военнопленных, в полуразрушенном во время ночной бомбежки цехе откапывали невзорвавшуюся бомбу.

У них уже не осталось ни малейшей надежды выжить в этом чудовищном комбинате смерти, и сегодня они решили в последний раз попытаться добыть свободу, или, как говорил маленький чернявый острослов по кличке Жук, если уж оставлять этот свет, так прежде стукнуть дверями.

Небезопасная и нелегкая их работа приближалась к концу.

Подвешивая бомбу ломами, они наконец освободили ее от завала и, придерживая за покореженный стабилизатор, осторожно положили на дно ямы. Дальше было самое рискованное и самое важное. Пока другие, затаив дыхание, замерли по сторонам, длиннорукий узник в полосатой, как и у всех, куртке с цветными кругами на груди и на спине, бывший черноморский моряк Голодай, накиннул на взрыватель ключ и надавил на него всем телом. На его голых до локтей, мускулистых руках вздулись жилы, проступили вены на шее, и взрыватель слегка подался. Голодай еще два раза с усилием повернул ключ, а затем присел на корточки и начал быстро выкручивать взрыватель руками. Сильно деформировавшись при ударе о землю, взрыватель, конечно, был неисправен и в таком состоянии не годился для бомбы, минувшей ночью сброшенной с американского Б-29 или английского «Москито» на этот зажатый горными кряжами Альп австрийский городок. Но при дефектном взрывателе бомба была исправная и продолжала хранить в себе пятьсот килограммов тротила. На это и

рассчитывали пятеро смертников. Как только отверстие в бомбе освободилось, Жук достал из-под куртки новенький взрыватель, добытый вчера от испорченной, с отбитым стабилизатором бомбы, и худыми нервными пальцами начал ввинчивать его вместо прежнего.

Парень спешил, не попадал в резьбу, железо лязгало, и Иван, чтобы кто-нибудь не набрел на них, приподнявшись, выглянул из ямы.

Поблизости, кажется, все было тихо. Над ними свисали покореженные балки. Из многочисленных проломов в крыше косо цедились на землю дымчатые лучи света. Было душно и пыльно. За рядом бетонных опор посреди цеха в освещенной солнцем пыли с редкими возгласами и глухим гомоном шевелились, сновали десятки людей, растаскивавших завалы и убиравших хлам. Там же теперь были и эсэсманы, которые предпочитали излишне не любопытствовать, когда обезвреживались бомбы, и обычно держались поодаль.

– Ну, сволочи, теперь ждите! – тихо, сдерживая гнев, сказал Жук.

Голодай, выпрямляясь над бомбой, буркнул:

– Помолчи. Скажешь гоп, когда перепрыгнешь.

– Ничего, братцы, ничего! – вытирая вспотевший лоб, проговорил в углу Янушка, бывший колхозный бригадир, а теперь одноглазый гефтлинг. По натуре он был скорее оптимистом, если только ими могли быть пленные в лагере. Несмотря на вытекший глаз и отбитую селезенку, он всегда и всех обнадеживал – и когда подбивал людей на побег, и когда в изодранной овчарками одежде под конвоем с немногими уцелевшими возвращался в лагерь.

Так высказали они свое отношение к задуманному, кроме разве Сребникова, который, непрерывно кашляя, стоял у стены, да еще Ивана. Сребников с самого начала всю эту затею воспринял без энтузиазма, так как ему мало радости принесла бы даже удача – быстрее, чем лагерный режим и побои, его добивала чахотка. А Иван Терешка был просто молчун и не любил зря говорить, если и без того все было ясно.

Голодай вытер ладони о полосатые штаны и взглянул на людей: конечно, главным заводилой был он.

– Кто ударит?

Все на секунду притихли, опустили глаза, напряженно ощупывая ими длинный корпус бомбы с разбегающимися царапинами на зеленых боках. Сосредоточился невеселый, с седой щетиной на запавших щеках Янушка; погасла нервная решимость в быстрых глазах Жука; Сребников даже кашлять перестал, опустил вдоль плоского тела руки – взгляд его стал невыносимо скорбным. Видно было, что вопрос этот беспокоил их с самого начала; все молчали, мучительно каждый про себя решая самое важное.

Крупное лицо Голодая выражало нетерпение и суровую решимость поставить все точки над «і».

– Добровольцев нет! – мрачно констатировал он. – Тогда потянем.

– Ага. Так лучше, – встрепенулся и подступил ближе к нему Жук.

– Что ж, потянем. По справедливости чтоб, – согласился Янушка.

Сдержанно и, кажется, с облегчением кашлянул Сребников. Терешка молча, одним ударом вогнал в землю конец ломика. Но Голодай, хлопнув себя по бедру, выругался:

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.